

УДК 53
ББК 22.3
P18

Серия «Наука, идеи, ученые»

Robert Wright
THE MORAL ANIMAL

Перевод с английского А. Чечиной и К. Карповой

Серийное оформление и компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения издательства Pantheon Books, an imprint of
The Knopf Doubleday Group, a division of Penguin Random House, LLC.

Райт, Роберт.

P18 Моральное животное : [перевод с английского] / Роберт Райт. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 512 с. — (Наука, идеи, ученые).

ISBN 978-5-17-120106-7

Роберт Райт (р. в 1957 г.) — профессор Пенсильванского университета, блестящий журналист, автор нескольких научных бестселлеров, каждый из которых вызывал жаркие дискуссии. Его книга «Моральное животное», переведенная на 12 языков и признанная одной из лучших книг 1994 года, мгновенно привлекла к себе внимание и поделила читательскую аудиторию на два непримиримых лагеря.

Человек есть животное, наделенное разумом, — с этим фактом трудно поспорить. В то же время принято считать, что в цивилизованном обществе разумное начало превалирует над животным. Но так ли это в действительности? Что представляет собой человеческая мораль, претерпевшая за много веков радикальные изменения? Как связаны между собой альтруизм и борьба за выживание, сексуальная революция и теория эволюции Дарвина? Честь, совесть, дружба, благородство — неужели все это только слова, за которыми скрывается голый инстинкт?

Анализируя эти вопросы и остроумно используя в качестве примера биографию самого Чарльза Дарвина и его «Происхождение видов» и знаменитую работу Франса де Валя «Политика у шимпанзе», Роберт Райт приходит к весьма любопытным выводам...

УДК 53
ББК 22.3

© Robert Wright, 1994

Школа перевода Баканова, 2020

© Перевод. А. Чечина, 2020

© Перевод. К. Карпова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-120106-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 11

Часть первая

Секс, романтические отношения и любовь

Глава 1. Юный Дарвин и старая Англия. *Перевод А. Чечиной* . . . 29

Глава 2. Самцы и самки. *Перевод А. Чечиной* 47

Глава 3. Мужчины и женщины. *Перевод А. Чечиной* 77

Глава 4. Брачный рынок. *Перевод А. Чечиной* 131

Глава 5. Женидьба Дарвина. *Перевод К. Карповой* 152

Глава 6. Секрет семейного счастья по Дарвину.
Перевод К. Карповой 177

Часть вторая

Социальные узы

Глава 7. Семья. *Перевод А. Чечиной* 207

Глава 8. Дарвин и дикари. *Перевод А. Чечиной* 240

Глава 9. Друзья. *Перевод А. Чечиной*. 252

Глава 10. Совесть. *Перевод А. Чечиной* 280

Часть третья

Социальное противостояние

Глава 11. Двадцать лет ожидания. <i>Перевод А. Чечиной</i>	305
Глава 12. Социальный статус. <i>Перевод К. Карповой</i>	314
Глава 13. Обман и самообман. <i>Перевод К. Карповой</i>	349
Глава 14. Триумф Дарвина. <i>Перевод К. Карповой</i>	380

Часть четвертая

Мораль сей басни...

Глава 15. Цинизм дарвинизма (и фрейдизма). <i>Перевод К. Карповой</i>	413
Глава 16. Эволюционная этика. <i>Перевод К. Карповой</i>	429
Глава 17. Обвиняя жертву. <i>Перевод К. Карповой</i>	452
Глава 18. Дарвин постигает религию. <i>Перевод К. Карповой</i> . . .	476

Приложение

Типичные вопросы. <i>Перевод А. Чечиной</i>	497
Благодарности. <i>Перевод К. Карповой</i>	508
Библиография.	511

Посвящается Лизе

Бессознательно он снова отхлебнул из фляжки. Вкус бренди вызвал у него в памяти дочь, вошедшую с ярко-го, солнечного света в хижину, — ее хитрое, насупленное, недетское лицо.

Он сказал:

— О Господи, помоги ей. Я заслужил твое проклятие, но она пусть живет вечно. — Вот любовь, которую он должен был чувствовать к каждой человеческой душе, а весь его страх, все его стремления спасти сосредоточились не по справедливости на этом одном ребенке. Он заплакал: девочка словно медленно уходила под воду, а он мог только следить за ней с берега, ибо разучился плавать. Он подумал: вот как я должен бы относиться ко всем людям...

Грэм Грин, «Сила и слава»¹

---

¹ Перевод Н. Волжиной.

ВВЕДЕНИЕ

Дарвин и мы

О человеке в «Происхождении видов» не сказано почти ни слова — книга и так получилась скандальной: чего стоит посягательство на библейскую историю сотворения мира и развенчание утешительной веры в божественную природу человека. Лишний раз дразнить общественность Дарвин не хотел, однако в конце последней главы не удержался и заметил, что в процессе изучения эволюции «много света будет пролито на происхождение человека и на его историю». И добавил, что «в будущем... откроется еще новое важное поле исследования... психология».

Как обычно бывает, до светлого будущего ученый не дождался. В 1960 году, через сто один год после первой публикации его эпохального труда, американский историк Джон Грин писал: «Что касается происхождения собственно человеческих качеств — тут Дарвин был бы разочарован, узнав, что обсуждение этих вопросов очень мало продвинулось с момента выхода его статьи «Происхождение человека и половой отбор». Его бы вогнали в уныние слова Джозефа Вайнера из антропологической лаборатории Оксфордского университета о том, что это «большая непостижимая тема, наше эволюционное понимание которой остается весьма скудным». В свете господствующих теперь представлений о человеке как о единственном животном, способном к сохранению и передаче культуры, даже Дарвин бы дрогнул и поддался

соблазну вернуться к креационистской идее о том, что человек имеет принципиально иную природу, чем остальные животные»¹.

Революция грянула через пару лет. С 1963 по 1974 год четверо ученых: Уильям Гамильтон, Джордж Уильямс, Роберт Триверс и Джон Мейнард Смит — высказали ряд идей, которые уточнили и дополнили теорию естественного отбора, существенно углубив представление эволюционных биологов о социальном поведении животных, и человека в том числе. Правда, поначалу о нашем виде почти не говорили, предпочитая обсуждать статистические аспекты самопожертвования среди муравьев и скрытую логику брачного поведения птиц. Даже в двух эпохальных трудах — «Социобиология» Эдварда Уилсона (1975) и «Эгоистичный ген» Ричарда Докинза (1976), — где эти новые идеи были впервые четко сформулированы, о человеке почти не упоминалось. Докинз вообще обошел эту скользкую тему стороной, а Уилсон ограничился крошечной и довольно отвлеченной главой в самом конце книги.

Лишь с середины 1970-х годов стали намечаться положительные подвижки. Небольшая, но быстро разросшаяся группа ученых приняла концепцию «нового синтеза», выдвинутую Уилсоном, и начала активно внедрять ее в социальные науки с целью их реорганизации. Они анализировали эволюцию человека, собирали факты, проверяли гипотезы и, пройдя сквозь неизбежные неудачи, добились большого успеха — правда, продолжают упорно (и не без тайной сладострастной гордости) считать себя гонимым меньшинством, хотя оснований для этого уже нет. Сейчас их статьи охотно берут в авторитетные журналы по антропологии, психологии и психиатрии — не то что десять лет назад, когда их печатали лишь в никому не известных изданиях дарвинистского толка.

Медленно, но неуклонно новое мировоззрение пробивает себе дорогу — да, синтетическая теория эволюции — это не только научная теория, подтвержденная фактами, как, напри-

¹ Greene (1963), pp. 114–115.

мер, квантовая физика или молекулярная биология, но и особый взгляд на мир. Стоит однажды в ней разобраться (а сделать это гораздо проще, чем с двумя другими упомянутыми дисциплинами), и ваше восприятие социальной реальности поменяется раз и навсегда. Она помогает находить ответы на самые разные вопросы, касающиеся обыденных и возвышенных сторон нашей жизни: будь то ухаживания, любовь, секс (моногамны ли по своей природе мужчины и женщины? какие обстоятельства заставляют их хранить верность партнеру или нарушать ее?), дружба и вражда (какая эволюционная логика стоит за корпоративной и любой другой политикой?), эгоизм, самопожертвование и чувство вины (зачем в процессе эволюции у человека сформировался такой уникальный орган, как совесть? действительно ли он отвечает за «нравственное» поведение?), социальное положение и честолюбие (обусловлена ли иерархическая структура общества особенностями нашей природы?), разное отношение мужчин и женщин к карьере и дружбе (являемся ли мы заложниками своего пола?), расизм, ксенофобия, вражда (почему мы с такой легкостью отказываем в сострадании огромным группам людей?), обман, самообман и подсознание (возможна ли интеллектуальная честность?), психопатологии (естественны ли депрессии, неврозы, паранойя? если да, то как смягчить их проявления?), отношения между братьями и сестрами (почему к любви нередко примешивается ненависть?), влияние родителей на психическое здоровье детей (почему они причиняют вред? чьи интересы при этом преследуют?) и так далее.

Тихая революция

Новому поколению социологов-дарвинистов пришлось бороться с доктриной, которая господствовала в общественных науках почти весь XX век и утверждала, будто биология не имеет особого значения — наше поведение определяется лишь нашим же пластичным разумом и сформированной им культурной средой, а не эволюционными особенностями;

не врожденная человеческая природа управляет нашими поступками, а скорее наоборот, этой природой можно и нужно управлять. Как писал на рубеже веков отец современной социологии Эмиль Дюркгейм, человеческая природа «представляет собой несформировавшуюся материю, которую преобразует социальный фактор». По его мнению, история показывает, что даже такие глубоко переживаемые эмоции, как «половая ревность, детская или родительская любовь, вовсе не неизменно присущи человеческой природе»¹. При таком подходе человеческому сознанию отводится пассивная роль: оно представляется некоей емкостью, куда по мере взросления индивида вливается местная культура; и если оно и накладывает на нее какие-либо ограничения, то ими легко можно пренебречь из-за чрезмерной широты.

Американский антрополог Роберт Лоуи в 1917 году писал, что «принципы психологии неспособны объяснить феномен культуры, так же как и гравитация не может объяснить архитектурные стили»².

Даже психологи (которым полагалось бы защищать человеческое сознание) часто пренебрежительно отзывались о нем, как о «*tabula rasa*». Господствовавший в XX веке бихевиоризм провозглашал, будто бы изначально аморфное сознание формируется под воздействием окружающей среды: люди склонны воспроизводить поведение, которое имело благоприятные последствия, и избегать негативного опыта. В рамках этого подхода в 1948 году американский психолог Беррес Скиннер опубликовал роман-утопию «Уолден Два», где описывал общество, в котором зависть, ревность и прочие общественно опасные побуждения гасились жесткой системой положительных и отрицательных подкреплений.

Такой взгляд на человеческую природу (как на что-то крайне несущественное и малозначимое) получил среди современных социологов-дарвинистов название «стандартная

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. А. Б. Гофмана.

² Tooby and Cosmides (1992). С. 22–25, 43.

модель социальных наук»¹. Многие изучали ее в университетах, а некоторые даже на протяжении ряда лет искренне ей следовали, прежде чем усомниться. А затем и взбунтоваться.

Происходящее сегодня во многом подпадает под определение «смены парадигмы», данное Томасом Куном в книге «Структура научных революций» (1962): группа молодых ученых бросает вызов устоявшимся авторитетам, встречает ожесточенное сопротивление, упорно продолжает борьбу и одерживает победу — в общем, классический конфликт поколений, если бы не одно «но».

Революция эта отчего-то протекает довольно неприметно. Бунтари упрямо отказываются объединиться под каким-нибудь простым и звучным наименованием. Они было подняли на знамена меткий термин, введенный Уилсоном, — «социобиология», но одноименная книга вызвала на себя такой огонь критики, столько насмешек и обвинений в пагубных политических намерениях, что пришлось отказаться от новообретенной самоидентификации, дабы не компрометировать себя. Теперь последователи Уилсона скрываются под разными именами, хотя их и объединяет приверженность одним теориям. Поведенческие экологи, антропологи-дарвинисты, эволюционные психологи и эволюционные психиатры — это все они. Вы спросите: а что же случилось с социобиологией? Ответ прост: она ушла в подполье, где и продолжает подтачивать основы академической науки.

Ирония состоит еще и в том, что многие особенности нового подхода, которые больше всего раздражают старую гвардию, по сути, таковыми и не являются: с самого начала противники социобиологии критиковали не столько книгу Уилсона, сколько предшествующую ей литературу дарвинистского толка. Вообще говоря, эволюционный подход в применении к человеку здорово себя скомпрометировал. Взятый на вооружение политической философией на рубеже XIX–XX веков, он пре-

¹ См.: Tooby and Cosmides (1992).